

АДА
ДОВ АЛОВАТЬ

#НЕЛЮБОВЬ

Обморожение

КИРА
СОРОКА

Кира Сорока

Нелюбовь. Обморожение

<https://litres.ru/74238827>

Аннотация

— Ты ведь одна живёшь, да? — Ну... да. Делаю шаг ближе. Она не отступает. Только щурится — опасно, как кошка перед прыжком. — Жди в гости тогда. — Ты не посмеешь, — шипит в ответ. Наклоняюсь к её уху. — Сегодня в полночь. Я приду.

Остап Омаров — самбист, который привык брать своё. Дерзкий, упрямый, не умеет отступать. Соня Бжассо — гимнастка, которая никого не подпускает. Холодная, острая, сосредоточенная на победе. Десять дней до Нового года. Заснеженный лагерь посреди Ленобласти. И никакой возможности избежать друг друга.

наглый герой

дерзкая героиня

как им друг друга не убить?

Будет весело и страстно! Присоединяйтесь)

ОДНОТОМНИК! ХЭППИ ЭНД - ГАРАНТИРОВАН!

Книга участвует в литмобе "(Не) идеальный новый год"

Содержание

Глава 1. Конечная — нигде.	4
Глава 2. Конкуренция и старый друг. ВИЗУАЛИЗАЦИЯ)	22 29
Глава 3. Компот и последствия.	30
Глава 4. Снег, пот и никакого достоинства.	39
Глава 5. Визит без приглашения.	47
Глава 6. Квиты.	56
Глава 7. Наказание	63
Глава 8. Картошка.	71
Глава 9. Не зашла	78
Глава 10. Опять он.	84
Глава 11. Застрял	92
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Глава 1. Конечная — нигде.

Остап

Мы проезжаем указатель на Питер.

И валим по трассе дальше.

Жду, когда автобус свернёт. Не сворачивает. Поля. Деревья. Снег. Редкие домики с дымом из труб. Всё белое, скучное, бесконечное. Как моя жизнь в ближайшие дни — судя по всему.

Какого хрена?

Оглядываюсь. Парни тоже напряглись. Кто-то привстаёт, смотрит в окно. Кто-то тычет в телефон — ловит GPS, пытается понять, куда нас несёт. Платон с соседнего сиденья толкает меня локтем:

— Ты знал?

— О чём?

— Что мы в Питер не заезжаем.

— Первый раз слышу.

Он хмурится. Платон Мирный — парень спокойный, рассудительный. Его сложно вывести из себя. Но сейчас даже он напрягся.

— Это какая-то херня, — говорит он тихо.

Соглашаюсь молча.

Пейзажи сменяются. Поля, поля, лесополоса, снова поля. Горизонт белый, небо серое, дорога — серая лента, уходящая в никуда. Мы едем всё дальше. И дальше. И ещё дальше.

По автобусу проносится волна возмущения.

— Да что за хрень?

— Мы где вообще?

— Это Ленобласть ещё или уже Финляндия?

— Может, нас продали на органы?

Смешки. Нервные.

Тренер — Дымов Сергей Борисович, он же Дымный, он же Дымоганыч, он же Дымище — сидит впереди. Треплет-ся по телефону, отвернувшись к окну. Голос тихий, слов не разобрать. Но по напряжённой спине видно — разговор не из приятных. Он то кивает, то качает головой, то потирает переносицу.

Что-то случилось. Что-то серьёзное.

Тимур — его сын — сидит через проход от меня. Тихо матерится себе под нос, уткнувшись в телефон. Лицо кислое, брови сведены. Дым — так мы его зовём — явно знает что-то, чего не знаем мы.

Не удивительно. Папочка небось предупредил.

— Эй, — смотрю на него. — Колись. Куда нас везут?

Тимур поднимает глаза. Смотрит на меня секунду. Взгляд тяжёлый, недовольный. Мы с ним не друзья. Мы — соперники. На ковре он мой главный конкурент за золото. Вне ковра — просто человек, которого я терплю.

— Скоро узнаешь, — бросает он и снова утыкается в телефон.

— Серьёзно?

— Отвали, Омаров.

Откидываюсь на спинку кресла. Ладно. Подожду. Куда я денусь из этого автобуса.

Платон наклоняется ко мне:

— Он знает.

— Ага.

— И молчит.

— Ага.

— Вот же сука.

Пожимаю плечами. Дым всегда такой. Папин сынок, который делает вид, что сам всего добился. Талант у него есть, не спорю. Но и блат — тоже. Попробуй разбери, где заканчивается одно и начинается другое.

За окном мелькает ржавый указатель. Название стёрто, не прочитать. Только цифры — 12 км.

Двенадцать километров до чего?

До конца света?

Тренер наконец вешает трубку.

Сидит секунду неподвижно. Потом тяжело поднимается, встаёт в проходе. Лицо усталое, под глазами мешки. Он мужик крепкий, жёсткий — из тех, кто в молодости сам боролся и знает, что такое пахать. Но сейчас выглядит так, будто

не спал трое суток.

— Так, внимание!

Гул стихает. Все поворачиваются к нему.

— Значит, ситуация следующая, — Дымоганыч откашливается. — Соревнования перенесли. На третье января.

Пауза.

Секунда тишины.

А потом:

— ЧТО?!

Это не я ору. Это все орут. Автобус взрывается. Парни вскакивают с мест, машут руками, перебивают друг друга.

— Как перенесли?!

— Какого хрена?!

— А нас предупредить не могли?!

— Мы же домой собирались на Новый год!

— ТИХО! — рявкает тренер.

Голос у него — как сирена. Все замолкают.

— Слушайте дальше. Соревнования перенесли — это решение федерации, не моё. В Питере мест нет. Всё забито — гостиницы, спорткомплексы, базы. Всё. Нас размещают за городом, на старой спортивной базе. Будут сборы до соревнований. Тренировки по расписанию.

Поднимаю руку. Он смотрит на меня, кивает.

— Сергей Борисович, а домой?

— Что — домой?

— Новый год, — говорю. — Тридцать первое декабря. Мы

же думали — отборемся и по домам. Отметить с семьёй.

Нуу... не совсем семьёй. Меня вообще-то друзья ждут. Туса намечается что надо.

Кто-то поддакивает. Гул согласия.

Тренер качает головой. Медленно, тяжело.

— Отмечать будете здесь. Никто никуда не едет. Сборы — значит сборы. Режим, тренировки, подготовка. Всё как обычно.

— А если кто-то уедет? — спрашивает кто-то сзади.

Дымоганых поворачивается на голос.

— Кто уедет — на соревнования не выходит. Всё ясно?

Тишина.

— Вопросы?

Молчим.

— Вот и отлично.

Он садится обратно. Автобус едет дальше.

Твою мать.

Достаю телефон. Открываю чат с братом.

«Стёп, я попал»

Три точки. Печатает.

«Что случилось?»

«Соревнования перенесли на 3 января. Нас везут в какой-то лагерь за город. Домой не отпустят»

«Жёстко. Сочувствую»

«Ага»

«Зато снег есть. У нас +10 и дождь»

«Утешил, спасибо»

«Обращайся.»

Убираю телефон. Смотрю в окно.

За окном — лес. Густой, тёмный, заваленный снегом. Ёлки стоят как солдаты — ровными рядами, все в белом. Красиво, наверное. Если ты турист. А не человек, которого ведут в неизвестность.

Дорога сужается. Автобус покачивается на ухабах, подпрыгивает на кочках. Кого-то сзади укачало — слышу характерные звуки.

Платон толкает меня локтем:

— Слышь, Омаров.

— М?

— Мы точно не в фильме ужасов? Щас выйдем — а там маньяк с топором.

— Или медведь, — отвечаю.

— Или маньяк верхом на медведе.

— С топором.

— И в маске Деда Мороза.

Ржём. Нервно, но ржём. Хоть какая-то разрядка.

Автобус сворачивает. Дорога становится ещё уже — теперь это просто колея в снегу. Ветки деревьев скребут по бортам. Темнеет, хотя на часах только три дня.

Впереди — ворота.

Старые, железные, облезлые. Краска слезла, ржавчина проступает рыжими пятнами. На арке над воротами — табличка. Буквы занесло снегом, торчат только две:

«АД»

— Символично, — говорит Платон.

— Ага. Добро пожаловать.

Тимур хмыкает. Без улыбки.

Автобус проезжает ворота. Кто-то смахивает снег с окна, чтобы лучше видеть. Я и так вижу достаточно.

Выгружаемся.

Холод бьёт сразу — резкий, колючий, злой. После тёплого автобуса — как ведро ледяной воды на голову. Мы же с юга, из Ривьера-сити. У нас море, пальмы, зимой плюс десять и дождик. А тут — минус пятнадцать и ветер в лицо.

Втягиваю голову в плечи. Куртка вроде тёплая, но ветер находит каждую щель.

— Ё-моё, — выдыхает Платон, и изо рта идёт пар. — Это реально холодно.

— Добро пожаловать на север, — хмыкаю.

Оглядываюсь.

Территория большая. Несколько корпусов — деревянных, двухэтажных, с облупившейся краской. Когда-то они были, наверное, весёленькими — голубыми, зелёными, жёлтыми. Теперь цвета выцвели, доски потемнели. Между корпусами — заснеженные дорожки, старые фонари на покосившихся

столбах, лавочки, занесённые по самые спинки.

Но не заброшено. Дымок из труб, свет в окнах, дорожки расчищены. Кто-то здесь живёт. Или готовился к нашему приезду.

Кто-то из парней подходит к воротам, смахивает снег с таблички. Буквы проступают — старые, облезлые, но читаемые:

«Услада»

— Лагерь «Услада», — читает он вслух. — А мы видели «Ад».

— Разницы нет, — бросает Тимур, проходя мимо.

Впервые с ним согласен.

Нас ведут к дальнему корпусу. Идём по расчищенной дорожке, снег хрустит под ногами. Холодный воздух обжигает лёгкие. Кто-то кашляет, кто-то ругается, кто-то молча терпит.

Корпус двухэтажный, с табличкой «Корпус 3». Крыльцо деревянное, ступеньки скрипят. Дверь тяжёлая, обитая дерматином.

Внутри — длинный коридор, двери по обе стороны, запах хлорки и старого дерева. Пол дощатый, стены крашенные — когда-то белые, теперь скорее серые. Лампы под потолком гудят.

Но тепло. Батареи горячие, можно руку обжечь. И то хорошо.

— Размещаемся по двое, — командует Дымоганыч. — Списки на стене. Вещи в комнаты, через час — общий сбор в столовой. Всё ясно?

— Ясно, — гудим нестройным хором.

Нахожу себя в списке. «Омаров О. — Мирный П. Комната 7, 2 этаж».

Платон стоит рядом, тоже смотрит.

— О, мы вместе.

— Угу.

— Ну хоть что-то хорошее.

Поднимаемся на второй этаж. Лестница скрипит так, что, кажется, сейчас развалится. Коридор наверху такой же — длинный, унылый, с рядом одинаковых дверей.

Комната семь — в конце коридора. Дверь открывается с протяжным скрипом.

Внутри — две кровати с панцирными сетками, тумбочки с облупившимся лаком, шкаф-гроб у стены, окно с деревянной рамой. На подоконнике — горшок с засохшим цветком. Обои в цветочек — когда-то весёленькие, теперь просто грустные.

— Хоромы, — говорит Платон без выражения.

— Пять звёзд, да, — угораю я.

Он бросает сумку на кровать у двери.

— Чур эта моя.

— Забирай.

Мне без разницы. Подхожу к окну, дышу на стекло, протираю рукавом. Стекло мутное, с разводами, но видно нормально.

Отсюда открывается вид на территорию. Соседний корпус — метрах в тридцати. Такой же деревянный, такой же старый. «Корпус 2» — табличка видна даже отсюда. Только занавески на окнах другие — светлые, с каким-то узором. Почти уютно.

И свет горит. Ярко, во многих окнах.

Там кто-то есть.

— Платоныч, — зову, не отрываясь от окна.

— М?

— Мы тут не одни.

Он подходит, смотрит через моё плечо.

— В смысле?

— Соседний корпус. Там люди.

— Может, служба?

— Целый корпус службы?

В этот момент в соседнем корпусе открывается дверь. Выходят две девчонки. В зимних спортивных костюмах, с сумками через плечо. Идут по дорожке, о чём-то болтают. Одна машет руками, вторая смеётся.

Мы переглядываемся.

— Это что, — медленно говорит Платон, — девчонки?

— Похоже.

— Здесь?

— Похоже.

— Откуда, бля?

— Хрен знает.

Он расплывается в улыбке. Первой за весь день.

— Омаров. Может, этот лагерь — не такое уж дно?

Смотрю на девчонок. Они уже далеко, сворачивают за угол. Одна — высокая, тёмненькая, длинные ноги. Вторая — пониже, но что-то в ней цепляет. Волосы собраны в пучок на макушке.

Рыжие волосы. Даже издалека видно — яркие, медные, огненные.

— Может, — говорю, медленно облизывая губы. — Надо разведать.

— Сейчас?

— А чего тянуть? До сбора час. Пойду, осмотрюсь.

Платон хмыкает.

— Осмотрится он. Ну-ну.

Игнорирую. Накидываю куртку, выхожу.

На улице ещё холоднее, чем казалось из окна.

Или это я просто успел согреться и теперь заново адаптируюсь. Ветер кусает щёки, забирается под капюшон. Снег скрипит под кроссовками — громко, отчётливо, в тишине звук разносится на всю территорию.

Иду по дорожке. Мимо нашего корпуса, мимо какого-то

сарая, мимо занесённой снегом беседки.

Красиво тут, если честно. По-своему. Ёлки вокруг — огромные, пушистые от снега. Тишина такая, что уши закладывает. Никаких машин, никаких людей, никакого города. Только скрип снега и моё дыхание.

Внезапно телефон оживает видеозвонком. От брата.

Даже интернет есть. Я удивлён...

Принимаю вызов.

На экране появляется лицо брата. Лицо — идентичное моему. Мы близнецы.

— О, живой, — говорит Степан. — Как там твой лагерь смерти?

— Сам смотри.

Переворачиваю камеру, показываю ему территорию. Веду телефоном медленно — деревья, корпуса, снег, небо.

— Ни хрена себе, — присвистывает брат. — Это что, реально пионерлагерь?

— Ага. «Услада». Только табличку занесло — видно было «Ад». Романтика.

— Снега у вас — жуть.

— Завидуй молча.

— Завидую громко. Слушай, а ты куда поперся?

— Да так...

Переключаю камеру обратно на себя. Степан ухмыляется. За его плечом появляется ещё одно лицо — Феликс. Тоже лыбится.

— Привет, Остап, — говорит он. — Как ссылка?

— Заебись. Холодно, скучно, соревнования перенесли.

— Сочувствуем. А девчонки есть?

Вот чёрт. Как он угадал?

— Может, и есть.

— В смысле — может? — Степан придвигается к камере.

— Есть или нет?

— Соседний корпус. Видел двоих. В спортивках.

— Спортсменки?

— Похоже.

— Какой вид спорта?

— Откуда я знаю? Я с ними не разговаривал.

— Так поговори!

— Я вообще-то на разведку вышел.

— Ну так разведывай!

Качаю головой, но иду в сторону соседнего корпуса. Корпус номер два — тот самый, со светлыми занавесками. Дорожка к нему расчищена, у входа стоят какие-то санки.

И тут я вижу их.

Точнее — её.

За корпусом — небольшая площадка. Наверное, летом там волейбол или ещё что-то. Сейчас — просто утоптаный снег. И на этом снегу — девчонка.

Она делает растяжку.

На улице.

В минус пятнадцать.

Нога вверх — выше головы. Потом в сторону. Потом назад — и она сгибается, касаясь головой колена. Потом — шпагат. Прямо на снегу.

Я останавливаюсь. Смотрю.

Она в леггинсах и тёплой куртке. Волосы выбиваются из пучка — рыжие, кудрявые, яркие. Лица не вижу — она от-вернулась.

— Эй, — шипит телефон. — Ты чего замер? Покажи, что там!

Чёрт. Забыл про них.

Переворачиваю камеру, навожу на девчонку.

— Вот, — говорю тихо. — Видите?

— Это гимнастка, — выдыхает Феликс.

— Точно гимнастка, — подтверждает Степан. — Смотри, как гнётся.

— Вижу.

— Рыжая?

— Ага.

— Остат, — голос брата становится серьёзным. — Рыжую я забил.

— Чего?!

— Шучу. Но если она свободна — я приеду.

— Ты в тысяче километров!

— Ради такой — приеду.

Феликс ржёт. Я тоже хмыкаю.

Девчонка на площадке меняет позу. Теперь она стоит на

одной ноге, вторая поднята вертикально вверх. Держит рукой стопу над головой. Спина прямая, подбородок поднят.

— Охренеть, — бормочу.

— Снимай, — командует Степан. — Нам надо это видеть.

— Я и так снимаю.

— Ближе давай!

Делаю пару шагов вперёд. Снег скрипит под ногами — громко, как выстрел в этой тишине.

Девчонка замирает.

Поворачивает голову.

Смотрит прямо на меня.

Глаза — светлые. Серые? Голубые? Отсюда не понять. Лицо — резкое, скуластое, без улыбки. Смотрит так, будто я таракан, который заполз на её территорию.

Опускаю телефон. Но поздно.

И она идёт ко мне.

— Стёп, я перезвоню.

— Э, погоди—

Сбрасываю.

Девчонка приближается. Шаг, другой, третий. Движения плавные, но быстрые. Как у хищника перед прыжком.

Останавливается в метре от меня. Смотрит снизу вверх — она ниже меня на голову. Но взгляд такой, что хочется отступить.

— Ты снимал, — говорит она. Голос низкий, хрипловатый. Не вопрос — утверждение.

— Я...

— Ты. Снимал. Меня. На телефон.

— Это был видеозвонок.

— И?

— Я брату показывал лагерь. Ты просто... попала в кадр.

— Просто попала в кадр, – чеканит недовольно.

— Ага.

Она смотрит на меня ещё секунду. Потом почти рывкает:

— Удали.

— Что?

— Запись. Удали.

— Там нет записи. Это был звонок.

— Ты лжёшь!

В её голосе — металл. Чистый, холодный.

Я открываю рот, чтобы ответить.

В этот момент она делает шаг вперёд и тычет меня пальцем в грудь. Я стою в полурасслабленной позе, на одной ноге больше веса, и от неожиданности — теряю равновесие.

Нога скользит.

Я падаю.

Спиной в сугроб.

Снег — везде. В лицо, за шиворот, в уши. Холодный, мокрый, обжигающий.

Лежу. Смотрю на серое небо. Потом — на её лицо. Она стоит надо мной. И — впервые — на губах что-то похожее на улыбку.

— Приятно познакомиться, — говорит она. — Меня зовут Соня. И если я увижу это видео в сети — найду тебя и закопаю. Здесь снега хватит.

Разворачивается. Уходит.

Я лежу в сугробе и смотрю ей вслед.

Рыжие волосы всё же выбились из пучка. Кудри развеваются на ветру.

Телефон вибрирует. Сообщение от Степана:

«Ты там живой? Что случилось?»

Пишу ответ мокрыми пальцами:

«Познакомился с рыжей»

«И как?»

Смотрю на небо. Думаю.

«Кажется, она хочет меня убить»

«Это любовь, братан»

«Иди нахер»

«Сам иди. И держи меня в курсе»

Поднимаюсь. Отряхиваюсь. Снег везде — в кроссовках, в карманах, за шиворотом.

А в груди — непонятное тепло.

Это не любовь, говорю себе. Это переохлаждение.

Точно.

Приветствую в новинке! Первый раз пишу романтическую комедию, но очень захотелось попробовать) И это совсем не значит, что не будет страстей. По-

пробую совместить и юмор и глубину чувств. Добро пожаловать в историю Остапа из Корпорации Монстрофф)

Глава 2. Конкуренция и старый друг.

Соня

Столовая пахнет котлетами и детством.

Серьёзно. Этот запах — варёная капуста, подгоревшее масло, компот из сухофруктов — как машина времени. Мне снова семь, я на первых сборах, боюсь тренера и плачу в подушку по ночам.

Только мне не семь. Мне восемнадцать. И я давно не плачу.

Длинные столы, лавки вместо стульев, раздача с подносами. Окна запотели от тепла. На стенах — плакаты с режимом дня и правилами пожарной безопасности. Год выпуска плакатов — примерно прошлое столетье.

— Бжассо!

Оборачиваюсь.

Рита Радионова машет мне от дальнего стола. Рядом с ней — ещё пять девчонок. Все наши, гимнастки. Все из Москвы. Я из Краснодара. Единственная в сборной.

Беру поднос, иду к раздаче. Котлета, пюре, салат из капусты, компот. Классика жанра. Повар — тётянька лет шести-

десяти — смотрит на меня поверх очков:

— Худенькая какая. Добавки положить?

— Спасибо, не надо.

— Как не надо? Замёрзнешь же!

— Я привыкла.

Вру. Не привыкла. Но вес — это вес. Лишние сто граммов — минус полбалла за эстетику. Математика простая.

Сажусь рядом с Ритой. Она подвигается, освобождая место.

— Ну как? — спрашивает с улыбкой. — Осмотрелась?

— Ага. Дыра дырой.

— Зато тепло. И кормят нормально.

Рита вечно видит плюсы. Даже в апокалипсисе скажет: «Зато пробок нет». Мы с ней давно — ещё с юниорок. Ближе всех из этих девчонок. Хотя «ближе» — понятие относительное.

В гимнастике нет подруг. Есть конкурентки, с которыми ты иногда разговариваешь.

Напротив сидит Ангелина Крылова. Смотрит на меня, жуёт котлету. Глаза внимательные, цепкие.

— Соня, — пропевает сладким голосом, — ты так быстро восстановилась после травмы. Просто удивительно.

Вилка замирает над тарелкой.

Травма. Растяжение связок голеностопа. Два месяца без тренировок. Два месяца ада.

— Работала много, — отвечаю ровно.

— Конечно-конечно. Молодец. Некоторые после такого вообще не возвращаются.

Улыбается. Ямочки на щеках. Ангел во плоти — родители не зря назвали.

Только я знаю, какая она на самом деле. На Кубке России она «случайно» облила мою ленту водой перед выступлением. А на чемпионате Москвы — «случайно» заняла мой разминочный квадрат.

Случайности, ага.

— Ангелина, — говорю так же сладко, — у тебя капуста в зубах.

Она дёргается, прикрывает рот. Капусты никакой нет, но рука уже там.

Рита давится компотом.

Когда-то мы дружили. Все мы. По-настоящему. В семь лет — делились конфетами. В девять — плели друг другу косички. В двенадцать — шептались про мальчиков.

А потом началось.

Отбор в юниорскую сборную. Рейтинги. Баллы. Квоты на соревнования. Одно место — и пять претенденток. Две поедут — три останутся.

И всё.

Конфеты закончились. Косички тоже. Остались улыбки, за которыми — расчёт.

Я не обижаюсь. Я такая же. Просто не делаю вид, что это иначе.

Доедаю котлету молча. Рита что-то рассказывает про свою комнату — мол, батарея шпарит, окно не открывается, душно.

Я живу одна. Нас нечётное число, а комнаты рассчитаны на двоих.

Повезло.

Двери столовой открываются. Входит группа парней в спортивных костюмах.

Лыжники. Их привезли вчера.

Рита оживляется:

— О, смотри. Свежее мясо.

— Рит.

— Что? Я же просто смотрю.

Смотрю и я. Не на всех — на одного.

Высокий. Светлые волосы, широкие плечи, знакомая походка.

Не может быть!

— Паша? — говорю вслух.

Он оборачивается. Ищет глазами — и находит. Лицо расплывается в улыбке.

— Бжассо?!

Павел Дорохов. Сосед. Живём в одном доме, в разных подъездах. Знакомы с детства — он во дворе гонял мяч, я возвращалась с тренировок. Иногда пересекались в общей компании. Иногда — в магазине у дома.

А потом ему исполнилось шестнадцать, и он вдруг начал

краснеть, когда меня видел.

Это было странно. И неловко. И длилось примерно полгода, пока он не уехал на сборы, а я — на соревнования.

Сейчас он уже не краснеет. Просто улыбается — широко, открыто.

Подходит к нашему столу.

— Ты какими судьбами?

— Сборы. А ты?

— Аналогично. Соревнования перенесли.

— У нас тоже.

Он садится рядом.

— Девчонки, это Павел, — представляю его. — Мой сосед. Из Краснодара.

— Сосед? — Ангелина выгибает бровь. — Просто сосед?

— Просто сосед, — отвечаю спокойно.

Игнорирую её тон. Паша тоже.

Двери столовой снова открываются.

И в этот раз — как взрыв.

Парни вваливаются толпой. Громкие, развязные. Топают, толкаются, переговариваются на весь зал.

Ещё шире в плечах, чем лыжники. Двигаются иначе — тяжелее, увереннее. Как танки.

— Это кто? — Рита вытягивает шею.

— Самбисты, — говорит Паша. — Видел их автобус. Недавно приехали.

Их много — человек двадцать. Идут к раздаче, гремят

подносами, шутят с поварихой.

И тут я чувствую взгляд.

Не сразу понимаю откуда. Просто мурашки на затылке.
Кто-то смотрит. Пристально.

Поднимаю глаза.

Он.

Стоит у раздачи. Высокий, тёмные волосы. Смотрит прямо на меня.

Не отводит взгляд. Не смущается.

Просто смотрит.

Я выдерживаю секунду, вторую, третью...

Отворачиваюсь первой.

— Соня? — голос Паши. — Ты чего?

— Ничего.

— Ты покраснела, — говорит он вдруг.

А Ангелина, черт её дери, противно улюлюкает.

— Не покраснела. Тут жарко.

— Тут холодно, — вставляет Ангелина.

— Ты знаешь их? — допытывается мой сосед.

— Паша.

— Что?

— Ешь свою котлету.

Он хмыкает. Но замолкает.

Я снова чувствую взгляд. Тяжёлый, настойчивый.

Не оборачиваюсь.

Не буду.

Дорогие читатели! Благодарю за внимание к новой истории! Спасибо за комментарии, всё читаю, мне очень приятно! Спасибо за звездочки и награды!

Книга участвует в Литмобе "(Не) идеальный Новый год" и я хочу познакомить вас с замечательной историей СПОР НА НЕДОТРОГУ. НЕ НА ТУ НАРВАЛСЯ.

<https://litnet.com/shrt/Rx1u>

ВИЗУАЛІЗАЦІЯ)

Наши ребятки:

Соня

Остап

Глава 3. Компот и последствия.

Остап

Столовая гудит как улей.

Мы ввалились толпой — голодные, злые, замёрзшие. Два часа на морозе, разгрузка вещей, заселение в эти скрипучие бараки. Жрать хочется так, что желудок к позвоночнику прилип.

Раздача. Очередь. Тётка в колпаке.

— Котлета, пюре, компот, — командует она, не глядя.

— А выбор есть?

— Котлета, пюре, компот.

— Понял.

Беру поднос. Котлета — плоская, серая, но пахнет нормально. Пюре — с комками. Компот — мутный, с плавающими сухофруктами.

Разворачиваюсь к залу.

И вижу её.

Рыжая. Сидит у окна, в окружении девчонок. Волосы собраны в пучок, но кудряшки всё равно торчат. Что-то говорит, жестикулирует.

И рядом с ней — какой-то хрен.

Блондин. Высокий, широкоплечий, в спортивке с эмблемой. Сидит близко. Слишком близко. Наклоняется к ней,

что-то говорит на ухо.

Она смеётся.

Смеётся.

Со мной она не смеялась. Со мной она рычала и грозилась закопать.

— Омаров, ты идёшь? — Платон толкает меня в спину.

— Иду.

Сажусь за стол. Ставлю поднос. Не смотрю в её сторону.

Ладно, смотрю...

Блондин кладёт руку ей на плечо. Легко, по-свойски. Она не отстраняется.

— Это кто? — спрашиваю я Платошу.

— Где? — он пытается проследить мой взгляд.

— Да вон. Рядом с рыжей. Тот блондин.

— А я откуда я знаю?

— Ну ты же умный.

— Я не телепат. — Он щурится. — Судя по форме — лыжник. Они в первом корпусе живут.

— Лыжник? — охереваю.

Это что за проходной двор в этом аду?

— Ну... лыжник. И что? — Платон недоумевает.

— Ничего.

Втыкаю вилку в котлету. Жую. Не чувствую вкуса.

Он снова что-то ей говорит. Она снова смеётся. Он касается её руки — мимолётно, как бы случайно.

Случайно, ага.

Чё меня эта сцена так заводит — не знаю.

Хотя... знаю!

Я вроде как уже застолбил себе эту рыжую девицу. Просто она пока этого не знает.

Достаю телефон.

«Выясни мне кое-что про эту Усладу» — пишу Степану.

Три точки, он печатает.

«Лагерь Услава?»

«Ага»

«Зачем?»

«Просто выясни»

«Ок, жди»

Жду. Ем котлету. Не смотрю на рыжую.

Ладно, снова смотрю. Одним глазом.

Блондин встаёт. Уходит? Нет, просто пересаживается. Теперь сидит ещё ближе. Его колено наверняка касается её колена под столом.

Телефон вибрирует.

Степан скинул ссылку. И текст:

«Пионерский лагерь Услава. Основан в 1962 году. Принадлежал заводу Красный Октябрь. Летние смены, зарницы, костры. Закрыт в 1998. Возобновил работу как спортивная база в 2015»

«Очень полезно, спасибо»

«Ты сам попросил»

«Я имел в виду — кто тут сейчас. Какие команды»

«А, так бы и сказал»

Снова три точки. Долго пишет.

Потом прилетает целый файл. Степан, когда роет инфу, роет по полной.

«Самбисты — ваша команда, 18 человек, тренер Дымов С.Б.

Гимнастки — женская сборная, 14 человек, тренер Зме-ева А.А.

Лыжники — мужская команда, 12 человек, тренер Реми-зов Е.П.»

«Давай про лыжники подробнее»

«Секунду»

Жду. Блондин наклоняется к рыжей. Почти касается её волос.

Я ломаю пластиковую вилку пополам.

Платон смотрит на обломки.

— Ты в порядке?

— В полном, — цежу сквозь зубы.

— Ты вилку убил.

— Она сама сломалась.

— Ага. От страха.

Телефон вибрирует. Список. С фотками.

Листаю. Морды, морды, морды. Все на одно лицо — спортсмены, лыжники, ничего особенного.

Стоп.

Павел Дорохов. 21 год. Краснодар. Мастер спорта. Специ-

ализация — лыжные гонки.

Фотка — он. Тот самый блондин.

Краснодар.

Она тоже из Краснодара? Или они просто знакомы? Или тут познакомились и уже мутят?..

«На гимнасток биографию слать?» — пишет Степан.

Смотрю на экран.

Хочу сказать «да». Очень хочу. Узнать про неё всё. Имя, возраст, откуда, с кем встречается.

Но...

Блять.

Это неправильно.

Она мне никто. Мы даже не знакомы толком. Она меня в сугроб уронила и грозилась закопать. Какого хрена я собираю на неё досье?

«Не надо» — пишу в ответ.

«Точно?»

«Точно»

«Ладно. Но если передумаешь — у меня всё готово»

Конечно, у него всё готово. Вирус — он такой.

Убираю телефон.

Павел Дорохов тем временем рассказывает ей что-то. Активно жестикулирует. Она слушает, подперев щёку рукой.

Он касается её локтя.

Потом — плеча.

Потом — снова руки.

Всё время трогает. Постоянно. Как будто имеет право.
Может, имеет? Может, они вместе? Может, это её парень?
Встаю.

— Ты куда? — Платон поднимает голову.

— Поднос отнести.

— Стол для подносов в другой стороне.

— Я в курсе.

— Омаров...

Игнорю.

Беру поднос. Иду.

Не к столу для грязной посуды. Нет. Делаю крюк. Большой, широкий. Мимо окон. Мимо плакатов с правилами пожарной безопасности. Мимо их стола.

На подносе — недопитый компот. стакан полный на треть.

Они меня не замечают. Дорохов что-то рассказывает, рыжая слушает.

Подхожу ближе.

Ещё ближе.

И поднос мой как-то невольно... соскальзывает.

Бах.

Стакан летит. Компот выплёскивается. Мутная жижа с сухофруктами — прямо на белую спортивку Дорохова.

Он вскакивает. Смотрит на себя. Потом — на меня.

— Какого хрена?!

— Ой, — выдаю я. — Прости. Случайно.

Это не мои методы. Вообще не мои. Дома я бы просто подошёл, сказал «отсядь от неё», и если бы не понял — дал в табло.

Но я не дома. Я на сборах. Дымоганыч предупредил — любой залёт, и на соревнования не выходишь.

Так что — «случайно». Упс. Бывает.

Дорохов сверлит меня злым взглядом. Кулаки сжаты.

Ну-у! Давай! Ударь первым. Тогда это будет твой залёт, не мой.

Но он не бьёт. Стоит, тяжело дыша. Смотрит на свою спортивку — белая ткань, коричневое пятно расплывается по груди.

— Поднос скользкий, — бросаю небрежно. — Бывает.

— Бывает, — повторяет он медленно.

— Ага. Салфетку дать? — предлагаю я.

Рыжая кстати уже на ногах. Только сейчас понимаю какая она мелкая. Макушкой мне до плеча едва дотягивает. И худая. Чертовски худая, а в спортивной куртке казалась с формами.

Вообще не в моём вкусе, но...

Но кажется вкусы могут поменяться. В одночасье, бля...

В её глазах — чистый лёд. Никакого румянца, никакого смущения. Только холод.

— Паш, — говорит ему, не отводя от меня взгляда. — Пойдём. Переоденешься.

— Да я нормально...

— Пойдём.

Она берёт его за руку. И уводит.

Он оглядывается на меня через плечо. Не злобно — скорее озадаченно. Типа: «Что это было?»

Хороший вопрос, Дорохов. Сам хотел бы знать.

Что со мной? Что с ней?

Они уходят. Дверь хлопает.

Стою как дурак. С пустым подносом. Вокруг — тишина. Все смотрят.

Сажусь на место.

— Ну? — говорит Платон. — Доволен?

— Чем?

— Тем, что устроил.

— Я ничего не устроил. Поднос скользкий.

— Ну да, — он кивает. — И ты шел к столу с грязной посудой по своему любимому маршруту.

— Типа того.

Платон скептически хмыкает.

А я смотрю на экран телефона, там сообщение от брата.

«Тапчик, я тебе файл на девчонок всё же скинул. Там есть интересные персонажи. Ангелину зацени. И держи меня в курсе. Это лучше любого сериала»

Убираю телефон, не открыв файл.

Смотрю на дверь, за которой исчезла рыжая.

Соня. Так её зовут.

Она даже не посмотрела на меня нормально. Просто увела

его. Как будто я — никто. Пустое место.

И это бесит больше всего.

Пока Тапчик бесится, хочу познакомить вас с ещё одной историей нашего новогоднего моба

Фейверк чувств от Лены Фарт https://litnet.com/shrt/_VVV

Глава 4. Снег, пот и никакого достоинства.

Соня

Комната маленькая, но своя.

Мне повезло — никаких соседок, никакого храпа, никаких разговоров до двух ночи. Только я, кровать, шкаф, тумбочка и окно во двор.

Раскладываю вещи. Футболки в шкаф, форму на плечики, косметичку на тумбочку.

За окном уже темно. Фонари горят жёлтым, снег под ними кажется почти оранжевым.

И тут я слышу крики.

Подхожу к окну. Протираю запотевшее стекло.

Вокруг соседнего корпуса бегают люди. Много. В одинаковых спортивных. Самбисты.

Бегают — это мягко сказано. Они несутся. По снегу, по сугробам, проваливаясь по колено. Падают, встают, бегут дальше.

Впереди — мужик лет сорока. Коренастый, с бычьей шей. Орёт что-то, но слов не разобрать. Только интонацию. Злую.

Это не тренировка, больше похоже на наказание.

Смотрю как заворожённая. Они делают круг, второй, третий. Потом — отжимания. Прямо в снегу. Потом — приседания. Потом — снова бег.

Один парень падает, не встаёт сразу. Тренер подходит, орёт ему в лицо. Парень поднимается, бежит дальше.

Другой смеётся — громко, истерично. Третий матерится так, что слышно даже через закрытое окно.

И вот что странно.

Они... красивые.

Не в прямом смысле. В смысле — на них невозможно не смотреть. Мокрая от пота одежда, облепившая тела. Пар изо рта. Напряжённые мышцы. Они страдают, но страдают как-то... правильно. Честно. Без нытья.

Выделяю взглядом одного. Высокий, светловолосый. Бежит ровно, не сбивается. Лицо серьёзное, сосредоточенное.

Рядом с ним — другой. Тёмные волосы, широкие плечи. Этот ржёт. Прямо на бегу, задыхаясь, ржёт как ненормальный. Что-то кричит светловолосому, тот отмахивается.

Брюнет - тот самый. Который компот.

Конечно, это он.

Смотрю, как он бежит. Как падает в сугроб. Как встаёт, отряхивается, бежит дальше. Как тренер орёт ему что-то, а он кивает — и продолжает ржать.

Идиот.

Но почему-то не могу оторвать взгляд.

Слышу голоса в коридоре. Топот ног. Выглядываю — девочки бегут к выходу.

— Там самбистов дрессируют! — кричит Рита. — Пойдём смотреть!

— Я не...

— Сонь, пойдём! Такое шоу!

Хочу сказать «нет». Хочу остаться здесь, в тёплой комнате, и не иметь к этому никакого отношения.

Но я хватаю куртку, и ноги уже несут меня к двери.

На улице холодно.

Минус пятнадцать, ветер, снег скрипит под ногами. Гимнастки сбились в кучку у крыльца, смотрят на самбистов как на бесплатный цирк.

— Что они сделали? — спрашивает Ангелина.

— Без понятия, — Рита пожимает плечами. — Но это жёстко.

Это и правда жёстко. Парни уже еле двигаются. Бег превратился в шатание. Отжимания — в попытки не упасть лицом в снег.

Тренер смотрит на часы. Потом на своих подопечных. Потом — снова на часы.

— Хватит! — орёт наконец. — Даю час на осознание. Не сдадите виновного — будет вторая тренировка. И поверьте, эта покажется вам разминкой.

Разворачивается и уходит в корпус.

Самбисты падают где стояли. Кто-то — на колени. Кто-то — на спину. Кто-то — прямо лицом в сугроб.

Тишина.

Потом — смех. Сначала один голос, потом второй, третий. Через минуту ржут уже все. Лежат в снегу, задыхаются, и ржут.

— Ну и психи, — говорит Рита восхищённо.

Смотрю на того, с компотом. Он лежит рядом со светло-волосым. Оба на спине, раскинув руки. Как снежные ангелы. Только мокрые и матерящиеся.

Ноги несут меня к ним раньше, чем успеваю подумать.

Останавливаюсь рядом. Смотрю сверху вниз.

— Что вы натворили?

Брюнет открывает глаза. Смотрит на меня. Улыбается — медленно, устало, но всё так же нагло.

— Ооо... — тянет лениво. — Тебе не пофиг на нас, бедолаг?

— Вообще-то нет.

Приподнимается на локтях.

— Серьёзно, Бжассо?

Замираю, выпучив на него глаза.

— Откуда ты знаешь мою фамилию?

— Знаю.

— Откуда? Ты что, пробивал меня?

— А если и так?

Чувствую, как вспыхивают щёки. От злости. Только от

злости.

— Мне интересно, за что вас так, — говорю, игнорируя его ухмылку.

— Не твоё дело, — подаёт голос светловолосый. Даже не смотрит на меня. Глаза закрыты, голос ровный.

— Да пошёл ты, — отвечаю автоматически.

Тот, с компотом, хмыкает.

— Слышал, Платон? Она тебя послала.

— Слышал.

— И как тебе?

— Переживу.

Разворачиваюсь, чтобы уйти. Хватит. Не знаю, зачем вообще подошла.

Внезапно нога уходит из-под меня.

Подсечка. Чистая, быстрая. Я даже не успеваю понять, что происходит — просто лечу.

Спина встречает сугроб. Снег — везде. Холодный, обжигающий.

Лежу. Смотрю в тёмное небо. Пытаюсь вдохнуть. Не вдыхается. Потому что сверху навалилась мускулистая тяжёлая глыба.

Он. Перекатился, навис, расплющил. Упирается руками по обе стороны от моей головы. Улыбается.

— Видел, — говорит тихо, — как ты пялилась на нас из окна. Глаз с меня не сводила.

— Я не...

— Не ври.

Он близко. Слишком близко. Чувствую жар его тела — после тренировки от него пышет, как от печки. Запах пота. Дыхание на щеке.

— Слезь с меня, — говорю сквозь зубы.

— А если не хочу?

Бью его коленом. Он уворачивается — легко, привычно. Самбист, чтоб его.

— Соня! — голос Риты. — Ты в порядке?

Поворачиваю голову. Девчонки бегут к нам. Но блондин, как его там, Платон уже на ногах. Перехватывает их.

— Всё нормально, — говорит спокойно. — Разберутся.

— Она упала!

— Поднимется.

Снова смотрю на брюнета. Он не двигается. Просто лежит на мне и смотрит.

— Слезь.

— Скажи «пожалуйста».

— Пошёл к чёрту.

Он смеётся. Перекатывается на спину, освобождая меня.

Вскакиваю. Отряхиваюсь. Снег прилип к волосам.

Он тоже поднимается. Встаёт напротив.

— Остап, — говорит внезапно.

— Что?

— Меня зовут Остап. Остап Омаров. А то ты, наверное, думаешь обо мне как о «том придурке с компотом».

Молчу. Потому что именно так и думаю.

— Ты ведь одна живёшь? — спрашивает вдруг. — Без соседки?

— Откуда...

Ах, ну да. Он же пробивал обо мне информацию.

— Жди в гости, Бжассо, — говорит и делает шаг ко мне.

— Что?

— Сегодня. В полночь. Приду.

— Ты не посмеешь.

Он наклоняется к моему уху. Губы почти касаются кожи.

— Посмею.

Отшатываюсь. Сердце колотится.

— Я не открою.

— Откроешь.

— Не открою!

Он улыбается. Отступает на шаг.

— Увидим.

Разворачивается. Идёт к своим. Платон хлопает его по плечу, что-то говорит. Остап смеётся.

Стою посреди двора. Мокрая. Замёрзшая. Злая.

Рита подбегает, хватает за руку.

— Ты в порядке? Что он сказал?

— Ничего.

Иду к корпусу. Спиной чувствую взгляд.

Не оборачиваюсь.

Какой же придурок этот Остап!

Ещё одна новиночка нашего литмоба)

С Новым годом, придурок!

<https://litnet.com/shrt/DXRy>

Глава 5. Визит без приглашения.

Остап

Лежу на кровати, пялюсь в потолок.

Всё тело ноет. Ноги — отдельная песня. Руки — отдельный куплет. Дымыч нас сегодня конкретно ушатал, и я до сих пор чувствую каждую мышцу, о существовании которой раньше даже не подозревал.

Хрелион кругов вокруг корпуса по сугробам. Отжимания в снегу. Приседания. Снова круги. И всё это из-за какого-то мудака с вискарём.

Кто вообще так делает? Тащит бухло в обычном пакете. Не в сумке, не в рюкзаке, не замотанное в шмотки — в пакете. Бутылки звякнули при выгрузке из автобуса, Дымыч услышал, обернулся — и понеслось.

Мудак. Не за то, что привёз. За то, что попался как лох.

— Думаешь, Тимур? — спрашивает Платон с соседней кровати. Голос у него сонный, вялый. Тоже ушатался.

— Сто процентов он.

— Почему?

— Потому что Тимур всегда так. Батя говорит «нельзя»

— Тимур делает наоборот. Принцип у него такой, жизненное кредо.

Платон хмыкает. Не спорит, потому что спорить не с чем.

Через час после того, как Дымыч закончил нас гонять, Тихон притащил новости: виновник нашёлся, тренер с ним разобрался и свалил куда-то на местной ниве. Короче, мы без присмотра.

Достаю телефон. Открываю файл от Стёпы — тот самый, с досье на участниц сборов.

Читаю уже в пятый раз, наверное.

Сначала посмотрел Ангелину, как брат и советовал. Красивая, спору нет. Соцсети у неё огонь: фотки вылизанные, идеальные, каждая поза выверена. Она и сама такая — идеальная. Как с обложки.

Мне не зашло.

А вот Соня...

«Бжассо София, 18 лет, Краснодар. Художественная гимнастика. Мастер спорта. Тренер — Змеева А.А.»

И дальше — сухие строчки. Соревнования, места, награды. Травма голеностопа год назад. Восстановление. Возвращение в спорт.

Никаких фоток в купальнике у бассейна. Никаких селфи с губами уточкой. Вообще почти ничего личного — закрытый профиль вк, минимум информации, будто она специально прячется от мира.

Стёпа в голосовом ржал: «Братан, ты точно её выбрал? Там же Ангелина есть, посмотри на неё, богиня! А эта рыжая даже селфи нормального не выложила, стрёмная какая-то».

Вот именно поэтому и выбрал.

Ангелина — открытая книга, всё понятно с первого взгляда. Скучно. А Бжассо смотрит так, будто хочет убить. И от этого взгляда у меня внутри что-то переворачивается.

— Опять её читаешь? — Платон смотрит на меня с усмешкой, хотя глаза уже закрываются.

— Нет.

— Врёшь... Влюбился ты Тапчик...

Его голос затихает. Через минуту он уже сопит — ровно, глубоко. Вырубился.

Смотрю на часы. Девять сорок.

Она сказала — не открою. В полночь не открою. Ждёт, наверное, что я припрусь ровно в двенадцать, как дурак. Буду стучать в окно, изображать романтику.

Хрен там.

Если хочешь застать человека врасплох — приходи когда не ждут. Простая логика. В десять вечера она точно не ждёт.

Встаю тихо, чтобы не разбудить Платона. Натягиваю спортивки, толстовку, кроссовки. Куртку не надеваю.

Выскальзываю за дверь.

Коридор пустой. Лестница, первый этаж, выход.

На улице холодно так, что дыхание перехватывает. Снег скрипит под ногами, звёзды яркие — но не такие яркие, как у нас.

Корпус гимнасток напротив. Метров пятьдесят по расчищенной дорожке. Окна почти все тёмные, только несколько светятся.

Её окно — тёмное. Первый этаж, третье слева. Запомнил ещё днём, когда она смотрела на нашу пробежку. Думала, я не вижу. Ага, конечно.

Дверь корпуса открывается легко — никаких замков, никакой охраны. Режимный объект, блин. Заходи кто хочешь, бери что хочешь.

Внутри тепло и пахнет чем-то цветочным. В нашем корпусе пахнет потом и носками, а тут — цветочки. Гендерное неравенство в одном запахе.

Справа дверь с табличкой «Тренерская». Свет не горит — повезло. Змеева, видимо, уже у себя. Или вообще ушла куда-то.

Иду по коридору, стараясь не шуметь. Её комната должна быть третьей, если окна и двери совпадают по расположению.

Первая дверь. Вторая. Третья...

Дальняя дверь в конце коридора открывается.

Твою мать.

Прижимаюсь к стене, вжимаюсь в какую-то нишу между пожарным щитом и батареей. Сердце колотится как бешеное.

Шаги. Шлёпанье тапочек по линолеуму. Выглядываю одним глазом.

Соня.

Она идёт по коридору, но смотрит в другую сторону — туда, где в конце, судя по всему, ванная комната. В нашем

корпусе такая же планировка. В руках у неё полотенце и какой-то пакетик — косметичка, наверное.

Не оборачивается. Не смотрит в мою сторону. Проходит мимо — так близко, что я чувствую запах её шампуня. Что-то травяное, свежее.

Дверь ванной открывается и закрывается.

Выдыхаю.

Быстро иду к её двери. Толкаю — не заперто. Конечно не заперто, она же в ванную вышла, на минутку, зачем запирать.

Захожу внутрь.

Комната маленькая. Кровать, тумбочка, шкаф, стол у окна. Вещи разложены аккуратно, форма висит на плечиках, косметика на тумбочке. Зачем-то веду носом, приносясь к пространству. Пахнет тут даже лучше чем в коридоре. Не цветами, а цитрусом. И ещё чем-то... чем-то личным.

И что теперь?

Оглядываюсь. Шкаф узкий, я туда не влезу. Под кровать — несолидно как-то, да и пыльно наверняка. За штору? Тупо. Она же сразу увидит, что штора оттопыривается.

Стою посреди комнаты и чувствую себя идиотом. Гениальный план, Остап. Пробрался в комнату к девушке — и что дальше? Выпрыгнуть с криком «сюрприз»? Она же меня реально убьёт. Или заорёт так, что сбежится весь корпус.

А потом понимаю — какого хрена я вообще прячусь?

Я же не вор. Не маньяк. Просто пришёл поговорить, как и обещал. Ну, пораньше немного. Ну, без приглашения. Но

это детали.

Сажусь на кровать. Потом думаю — а, к чёрту — и разваливаюсь на ней, закинув руки за голову. Матрас жёсткий, но терпимо. Подушка пахнет ею.

Лежу. Жду. Смотрю в потолок.

Сердце всё ещё колотится, но уже не от волнения — от предвкушения. Как перед соревнованиями, когда выходишь на мат и знаешь, что сейчас либо победишь, либо упадёшь мордой в грязь. Адреналин чистый.

Интересно, какое у неё будет лицо. Ставлю на бешенство. Хотя, может, удивление. Или страх — секунду, не дольше, она же не из пугливых.

Минуты тянутся медленно.

Наконец слышу шаги в коридоре и дверь открывается.

Соня стоит на пороге. Волосы влажные, на лице какой-то крем, в руках скомканное полотенце. Она ещё не видит меня — смотрит себе под ноги, закрывая дверь.

Поворачивается.

Замирает.

Рот открывается — сейчас заорёт.

— Ну давай, — говорю спокойно. — Кричи. Сейчас тренер прибежит, и неизвестно чего о тебе подумает. Парня в комнату притащила, среди ночи, а ещё приличной девочкой прикидывалась.

Она не кричит. Стоит у двери, смотрит на меня — и я вижу, как в её глазах бешенство сменяется чем-то другим.

Не страхом. Расчётом, может быть. Она думает. Соображает. Просчитывает варианты.

Умная, блин. Это меня и цепляет.

— Ты, — говорит она наконец, очень тихо, почти шёпотом, — сумасшедший.

— Возможно.

— Как ты сюда, блин, попал?

— Ногами. Дверь была открыта.

Она делает шаг к кровати.

— Который час? — спрашивает вдруг.

— Десять с чем-то.

— Ты сказал — в полночь.

— Передумал. Решил, что ты будешь ждать в полночь. А я не люблю быть предсказуемым.

Она смотрит на меня. Я смотрю на неё. На влажные волосы, на блестящую от крема кожу, на тонкую футболку, которая явно служит ей пижамой. На ключицы. На...

— Глаза выше, Компот.

Поднимаю глаза. Фыркаю.

— Компот?

— Да. Компот. И ты лежишь на моей кровати.

— Она удобная. Не называй меня компотом.

— Встань, Компот.

— Не. Хочу.

Сверлим друг друга глазами.

Ну ты же помнишь моё имя, верно?

Она вдруг рявкает:

— Омаров.

— Бжассо, - протягиваю сладко.

Она делает ещё шаг. Теперь стоит прямо надо мной. Взгляд у неё такой, что нормальный человек бы уже сбежал. Но я не нормальный. Я — идиот, который пробрался в комнату к девушке посреди ночи, потому что она ему нравится. Ну или не нравится, и я пришёл убедиться в этом.

— Встань, — повторяет она. — Или я сделаю тебе больно.

— Ты гимнастка. Что ты мне сделаешь?

— Ты удивишься.

Может, и удивлюсь. Но это потом.

— Пять минут, — говорю ей. — Дай мне пять минут. Поговорим — и я уйду.

— О чём нам разговаривать?

— О чём угодно. О погоде. О тренировках. О том, почему ты смотрела на меня из окна, когда нас Дымыч гонял.

Её щёки розовеют. Совсем немного, но я замечаю.

— Я не смотрела на тебя.

— Смотрела.

— Я на вас всех смотрела, придурок.

— На меня, — стою на своем.

— У тебя мания величия.

— У меня хорошее зрение. И я видел, куда ты смотрела.

Её ноздри недовольно вздрагивают. Она упирает руки в бока, делает глубокий вдох и...

Начинает орать.

Ещё одна новиночка нашего моба)

Желание загадай от Арины Лариной

<https://litnet.com/shrt/Qx1g>

Глава 6. Квиты.

Остап

... Начинает орать.

Громко. На весь корпус.

— ПОМОГИТЕ! ТУТ КТО-ТО ЕСТЬ!

Подскакиваю с кровати.

— Ты чего творишь?!

— ПОМОГИТЕ!

— Бжассо, блин, заткнись! — дёргаюсь к ней, она отскакивает.

И не затыкается. Орёт как резаная, и я слышу, как в коридоре хлопают двери, топот ног, сонные голоса.

— Соня? Что случилось?

— Это из её комнаты!

— Кто-то кричит!

Твою мать.

Дверь распахивается. На пороге — девчонка в пижаме, глаза круглые от ужаса. За ней ещё одна, и ещё. Толпа растёт, и все смотрят на меня.

На парня в комнате Бжассо. Ночью. Рядом с её кроватью.

— Это не то, что вы думаете, — говорю какую-то тупую

дичь.

— ТРЕНЕРА ЗОВИТЕ! — орёт кто-то в коридоре.

Соня стоит у стены, скрестив руки на груди. Смотрит на меня с... торжеством.

Зараза!

— Ты нахера это сделала, — говорю ей тихо.

— Я испугалась, — отвечает невинным голосом. Громко, чтобы все слышали. — В моей комнате незнакомый парень. Что мне было делать?

— Мы знакомы!

— Один день. Это не считается.

Хочу сказать что-то ещё, но толпа в дверях расступается и заходит невысокая жилистая тётка с короткой стрижкой.

Оо.. А это у нас Змеева, походу.

Тренер гимнасток. Взгляд у неё такой, что хочется встать по стойке смирно. Волосы растрёпаны — видно, что разбудили.

Она смотрит на меня. На Соню. На кровать со смятым покрывалом.

— Так, — говорит медленно. — И кто мне объяснит это всё?

— Алла Анатольевна, — Соня делает шаг вперёд. Голос дрожит — актриса хренова, хоть Оскар давай. — Я вышла в ванную, а когда вернулась — он был в моей комнате. Лежал на моей кровати. Я испугалась...

— Она врёт, — говорю спокойно.

Все замолкают. Соня поворачивается ко мне — глаза круглые от удивления.

— Что? — уточняет Змеева.

— Врёт, — повторяю, глядя на тренершу. — Она сама меня позвала. Мы встречаемся. Ну, типа того. Начали сегодня.

Шёпот в толпе становится громче. Кто-то охает, кто-то хихикает.

— Это неправда! — Соня делает шаг ко мне, сжимая кулаки. — Он врёт!

— Минуту назад мы лежали на её кровати и целовались, — продолжаю как ни в чём не бывало. Голос ровный, спокойный. Пусть попробует доказать обратное. — Разговаривали про бывших. Она спросила, с кем я встречался раньше, я честно рассказал, она приревновала. Начала орать. Истеричка, что поделать. Я её не виню, это её первые отношения, она просто не умеет справляться с эмоциями.

— ЧТО?! — Соня задыхается от возмущения. Лицо у неё красное, на шее проступают пятна. — Да я тебя в жизни не целовала! Я тебя знать не знаю!

— Вот видите, — развожу руками, обращаясь к Змеевой. — Опять истерит. Я понимаю, не обижаюсь. Первая любовь — это сложно.

Лицо у Сони — отдельный вид искусства. Она открывает рот, закрывает, снова открывает. Слова не идут. Впервые вижу её такой — без слов, без колкостей, просто в шоке.

Вот теперь мы квиты, Бжассо.

— Я. Тебя. Не. Звала, — выдавливая она наконец. Каждое слово как пощёчина.

— Звала. Написала в телеграмме.

— У меня нет твоего номера!

— Через общий чат сборов нашла. Там все участники.

— Да? — злобно усмехается. — Ну покажи тогда переписку!

— Удалил. Там было... личное, малыш. Ты чё не помнишь?

Её лицо буквально багровеет. Сейчас походу будет ядерный взрыв.

Поворачиваюсь к Змеевой, пожимаю плечами — мол, сами видите, с кем приходится иметь дело.

Змеева молчит. Смотрит то на меня, то на Соню. Лицо у тренерши непроницаемое, глаза холодные. Думает. Просчитывает. Пытается понять, кто из нас врёт.

Хрен поймёт. Я вру убедительно.

— Так, — говорит Змеева наконец. — Хватит. Ты кто вообще?

— Самбист. Омаров.

— Понятно, — недовольно, даже как-то пренебрежительно кривит губы. — Мне всё равно, кто кого звал, кто с кем целовался и кто на кого орал. Факт остаётся фактом: ночь, парень в комнате девочки, крики на весь корпус. Это нарушение режима. Грубое нарушение.

— Алла Анатольевна... — начинает Соня.

— Молчать. Я ещё не закончила.

Соня затыкается. Я тоже молчу — не время нарываться.

— Дымов ваш вернётся завтра утром, — продолжает Змеева, глядя мне в глаза. — И мы вчетвером — я, он и вы двое — будем решать, что с вами делать. До этого момента ты, — тычет в меня пальцем, — возвращаешься в свой корпус и сидишь там. Носа не высовываешь до утра. А ты, — поворачивается к Соне, — ложишься спать. Всё ясно?

— Да, — говорю я.

Соня молчит. Буравит меня взглядом. Если бы взгляды убивали — я бы уже лежал в морге.

— Ясно? — повторяет Змеева громче.

— Да, — выдавливают Соня сквозь зубы.

— Отлично. Все разошлись. Шоу окончено.

Толпа в коридоре неохотно редет. Шепчутся, оглядываются, хихикают. Завтра об этом будет знать весь лагерь. Самбист Омаров и гимнастка Бжассо. Целовались. Встречаются. Она устроила истерику из-за ревности.

Красивая, блин, история.

Иду к выходу. В дверях оборачиваюсь.

Соня стоит посреди комнаты. Руки сжаты в кулаки, плечи напряжены. Смотрит на меня так, будто прикидывает, как лучше убить — быстро или медленно. Склоняется ко второму варианту, судя по выражению лица.

— Спокойной ночи, Бжассо, — говорю негромко, только для неё. — Сладких снов.

— Я тебя уничтожу, — шипит она в ответ. Тихо, чтобы другие не слышали. — Слышишь? Уничтожу.

— Попробуй.

Ухожу.

На улице холодно так, что зубы сводит. Минус пятнадцать, ветер, снег скрипит под ногами. Но я не чувствую холода. Внутри — огонь. Адреналин. Азарт.

Она хотела меня сдать — а я вывернул всё наизнанку. Хотела выставить меня маньяком — а я сделал её истеричкой. Теперь непонятно, кто виноват. Теперь нас обоих накажут.

Вместе.

Интересно, что придумает Дымыч. Отчислит? Вряд ли. Позвонит родителям? Возможно. Отец не обрадуется, но переживёт. Он вообще редко чему-то радуется, кроме удачных сделок.

Возвращаюсь в корпус. В коридоре тихо — все спят. Или делают вид, что спят. Наверняка уже прочитали в чатах.

Открываю дверь комнаты.

Платон сидит на кровати, пялится в телефон. Поднимает голову.

— Тапчик, — говорит. — Ну ты даёшь.

— Уже знаешь?

— Весь лагерь знает. В общем чате пишут, что ты залез

к гимнастке, она на тебя орала, а потом ты заявил, что вы целовались и встречаетесь.

Быстро новости расходятся. Интернет — великая сила.

— Было дело, — скидываю кроссовки, падаю на кровать.

Платон откладывает телефон. Смотрит на меня — внимательно, изучающе.

— Вы реально целовались?

Загадочно улыбаюсь.

А пусть это останется между нами.

Ещё одна крутая история нашего моба от Милы Любимой

<https://litnet.com/shrt/hwmA>

Глава 7. Наказание

Соня

Завтрак — это ад.

Не еда. Еда как раз нормальная — каша, бутерброды, чай. Ад — это взгляды. Все, кто вчера толпился в коридоре, теперь сидят в столовой и пялятся на меня. А кто не толпился — уже всё прочитали в чатах.

Беру поднос, иду к раздаче. Спиной чувствую десятки глаз.

Сажусь за стол. Рита уже там. Смотрит на меня странно — не то с сочувствием, не то с любопытством.

— Ты как? — спрашивает тихо.

— Нормально.

— Сонь, я вчера хотела к тебе зайти после... ну, после всего. Но Змеева всех разогнала.

— И правильно сделала.

Ковыряю кашу. Есть не хочется.

— Он реально просто лежал на твоей кровати? — Рита наклоняется ближе. — Вот так взял и залез к тебе в комнату? Как умудрился-то?

— Реально залез, — мямлю в ответ.

Даже Рита мне не верит, что говорить об остальных?

— И вы не...

— Рит, — раздраженно смотрю на неё.

— Ладно, ладно. Просто он потом такое нёс... Про поцелуи, про то, что вы встречаетесь...

— Он врал. Всё врал.

— Я поняла.

Но она не поняла.

И не то чтобы меня сильно беспокоило мнение окружающих на мой счёт, но...

Да просто всё это сильно отвлекает от главного. Соревнования и золота.

Ангелина садится напротив. Вид у неё довольный, как у кошки, добравшейся до сметаны.

— Доброе утро, Соня. Бурная была ночь, да?

Не отвечаю.

— Я стояла в первом ряду, всё видела. Он так убедительно рассказывал про ваши поцелуи... Прямо талант. Вы хорошая пара.

— Мы не пара.

— Ну да, ну да. — Она откусывает бутерброд, жуёт, глядя на меня. — А он ничего такой. Симпатичный. Я бы тоже не выгнала.

— Я его выгнала.

— После того, как весь корпус сбежался. Очень своевременно.

Рита дёргает её за рукав:

— Ангелин, хватит.

— А что я? Я просто говорю, что видела. Все видели.

Телефон вибрирует. Сообщение от Змеевой:

«Тренерская, корпуса 3. Через 10 минут»

Третий корпус - самбистов.

Чудненько!

Этот день становится всё лучше.

С трудом съев пару ложек каши, отодвигаю тарелку. А вот бутер всё же ем, запиваю чаем.

В десять тренировок - нужны силы.

Поднимаюсь.

— Ты куда? — Рита смотрит на меня.

— К тренеру. Разбор полётов.

— Удачи, — говорит Ангелина сладко. — Передавай привет своему самбисту.

Ухожу, не оглядываясь.

Иду к корпусу самбистов по расчищенной дорожке. Вижу на крыльце двоих парней. Здоровые, широкоплечие. Один сидит на перилах, второй подпирает стену. Смотрят на меня с интересом.

— О, — говорит первый. — Гляди. Та самая гимнастка.

— Которая с Омаровым? С чего ты взял?

— Говорят она рыжая.

— Логика - огонь.

Прохожу мимо, не глядя на них. Тянусь к двери.

— Эй, рыжая, — первый окликает. — А правда, что вы вчера того?.. Кувыркались?

Моргаю заторможенно.

— Слышь, не игнорь. Мы по-дружески спрашиваем.

— Может, с нами тоже познакомишься? — второй ржёт.

— Я тоже могу к тебе в комнату зайти. Если позовёшь.

Дверь резко распахивается и выходит тот блондин — друг Компота. Платон.

Смотрит на них. Потом на меня.

— Вы охренели? — говорит негромко.

— Да мы чего, мы ничего... — первый сразу сдувается.

— Это девушка Омарова.

— Платоныч, да мы просто...

— Он вас на татами раскатает. Валите отсюда.

Они переглядываются. Встают. Уходят.

Платон придерживает дверь, кивает — проходи.

Прохожу. Коридор длинный, пахнет хлоркой. Тренерская — первая дверь, прям как у нас в корпусе.

Тихо стучу, потом осторожно заглядываю.

И сначала слышу:

— ...и это твоя версия?! — голос Алла Анатольевной звенит от злости. — Что моя спортсменка сама его позвала?!

— Я говорю то, что говорит весь лагерь! — мужской голос. — Они встречаются, она позвала его в комнату, а потом устроила сцену!

— Бред! Она бы никогда...

— Откуда ты знаешь? Ты её двадцать четыре часа в сутки караулишь?

— Я за неё отвечаю! И если твой подопечный её напугал...

— Мой подопечный не маньяк!

— А откуда мне знать?! Залез к девочке в комнату ночью!

Что я должна думать?!

Переступаю порог.

Тренер самбистов и Змеева. Стоят напротив друг друга. Оба злые, очевидно.

И они ничего не замечают вокруг.

А Остап лениво развалился на стуле у стены, и смотрит на тренеров как на бесплатное кино.

Ловит мой взгляд. Кивает на свободный стул рядом.

Подхожу. Сажусь на самый край, подальше от него.

— Вливайся, — шепчет парень. — Тут бесплатный сериал.

— Какой к чёрту...

— Алочка, не беси меня, а? — вдруг говорит тренер самбистов. — Вот двадцать лет назад бесила и сейчас продолжаешь.

— Серёжа, блин! — взрывается Змеева. — Ты можешь только по делу разговаривать.

— Могу, — он кивает. — Я просто не понимаю, чего ты хочешь. Наказания для моего спортсмена?

— Да, — с ходу отрезает Алла Анатольевна. — Пусть домой едет.

Краем глаза смотрю на Остапа. Он даже не напрягается. Самоуверенный гад.

— Да щас! Он у меня лучший, — отбрасывает мужчина. — А в тебе походу говорят какие-то старые обиды, да? Так давай их решим тет-а-тет. Вечерком.

И это его “вечерком” звучит с явным подтекстом.

— Эх, — вздыхает Омаров. — Жаль попкорна нет. Такое кино впечатляющее.

— Ты можешь вообще серьёзным быть? — шиплю на него. — Тебя выгнать могут.

— Нет, не могут, — отмахивается. — Помолчи, дай послушать.

— Слушай, Аллочка... — говорит мужчина.

— Не называй меня так.

— Хорошо. Алла Анатольевна. Я понимаю твоё беспокойство. Но давай смотреть на факты. Весь лагерь гудит — они встречаются, она сама его позвала. Мой подопечный это подтверждает.

— А моя — отрицает!

— Вот именно. Слово против слова. Короче, виноваты оба. И у меня есть для них достойное наказание.

Он поворачивается к нам.

Змеева тоже поворачивается и рывкает:

— Встали.

Встаём.

— Нуу, говорите, Сергей Борисович, что за наказание, —

подгоняет его Алла Анатольевна.

Видок у неё крайне недовольный, когда смотрит на Ком-
пота.

— Марья Афанасьевна, — говорит наконец мужчина.

— Кто? — спрашивает Остап.

— Повариха. Вчера жаловалась, что зашивается. Подмога
не приехала, кормить надо почти пятьдесят человек.

Удивительно, но Остап больше не улыбается. Вся его мни-
мая самоуверенность куда-то испарилась.

— Пусть помогают, — продолжает Сергей Борисович. —
Оба. Каждый день. Пока не решу, что хватит.

— Оба? — Змеева хмурится. — Почему моя спортсменка
должна отрабатывать?

— Потому что устроила цирк посреди ночи. Это тоже на-
рушение режима.

— Она защищалась!

— Она могла позвать тебя тихо. Могла выйти в коридор,
постучать к соседкам. Вариантов много. Она выбрала самый
громкий.

Змеева молчит. Кусает губу. Потом кивает.

— Хорошо. Кухня. Но если он ещё раз к ней подойдёт...

— Омаров, понял?

— Понял, — голос Остапа ровный.

— Бжассо?

— Да, Алла Анатольевна.

— Иди... Помогай на кухне.

Это решение даётся ей не легко, я вижу.

Это решение ставит крест на моих утренних тренировках, черт возьми!

Выхожу, потом на улицу. Голова раскалывается от всех этих криков.

Глубоко вдыхаю морозный воздух, смотрю на здание столовой.

Остап вылетает на улицу, уже в куртке.

— Ну что, — говорит он, — готова чистить картошку?

Не отвечаю. Иду вперёд.

— Эй, Бжассо. Я с тобой разговариваю.

— А я с тобой — нет.

— Всё ещё дуешься?

Останавливаюсь. Поворачиваюсь к нему.

— Из-за тебя меня отстранили от тренировки. Из-за тебя весь лагерь считает меня истеричкой. Из-за тебя я буду чистить картошку вместо подготовки к соревнованиям. Так что да, Омаров. Я дуюсь.

Он картинно закатывает глаза, но ничего не говорит.

Потому что крыть ему нечем!

— Пошли, — говорю я. — Марья Афанасьевна ждёт.

И иду вперёд, не оглядываясь.

И ещё одна история нашего моба!

Золушка, ты попалась <https://litnet.com/shrt/1q0T>

Глава 8. Картошка.

Остап

Суп мы уже сварили. Формально не мы, а повариха. Но она лишь закидывала в кастрюлю порезанные нами ингредиенты.

На очереди — ужин. Будет картофельное пюре и гуляш. Звучит очень даже вкусно.

На деле — мы должны почистить, блин, тонну картошки. Я — не умею.

Нет, серьёзно. Не умею. Дома у нас готовила мама, потом домработница. В общаге на сборах — столовая. Мой максимум — заказать пиццу.

Да и нахера мне эти навыки?

Сажу на табуретке в углу кухни, смотрю на ведро с картошкой. Ведро смотрит на меня. Мы друг другу не нравимся.

— Чего расселся? — Марья Афанасьевна, стоит лицом к плите, а спиной ко мне. Но кажется у неё и там есть глаза. — Бери нож, чисти.

— Я... да, сейчас.

Беру нож. Беру картофелину. Грязная, в земле, с какими-то отростками.

И что с ней делать?

Начинаю скрести ножом по коже. Нож соскальзывает. Пробую снова. Срезаю кусок — вместе с половиной картошки.

— Ты что творишь? — взвывается Соня.

Она сидит напротив, уже почистила штук пять. Быстро, ловко, тонкими полосками кожуры.

— Чищу.

— Это не чистка. Это бойня.

— У тебя есть предложения лучше?

Она закатывает глаза. Встаёт, обходит стол, садится рядом.

— Дай сюда.

Отдаю картошку и нож. Она берёт, показывает.

— Смотри. Держишь вот так. Нож под углом. И ведёшь по коже, не вглубь, а по поверхности. Видишь?

Кожура сходит тонкой лентой. Ровно, аккуратно.

— Понял? — переспрашивает, глянув на меня строго.

— Типа того.

Она возвращает мне нож. Наши пальцы соприкасаются.

Она отдёргивает руку. Быстро, резко. Отводит взгляд.

Интересно...

Шарахается от меня как-то уж явно что ли.

— Попробуй, — говорит, не глядя на меня.

Пробую. Получается криво, но уже лучше. По крайней мере, картошка остаётся целой.

— Сойдёт, — она берёт ещё один картофель.

Остаётся рядом.

Сидим плечо к плечу.

Чистим молча. Марья Афанасьевна гремит кастрюлями у плиты, режет что-то... Вроде для винегрета. И помешивает гуляш в большой кастрюле. Пахнет вкусно — мясом, луком, специями.

— Ты давно гимнастикой занимаешься? — спрашиваю, чтобы разбить тишину.

Я знаю, что давно. Спасибо отчёту брата.

— С пяти лет, — отвечает Соня.

Сдувает рыжую прядку, выбившуюся из пучка. Та непослушная прядка красиво скользит по её щеке и повисает у носа.

Руки у меня грязные, в картошке. У неё тоже.

Соня дергает головой, прядка отползает на висок.

— А ты? — спрашивает Соня. — Давно занимаешься?

— Самбо — с семи. Но я ещё боксом занимался, потом бросил.

— Почему бросил?

— Самбо больше нравится.

Она кивает. Чистит очередную картофелину. Руки у неё маленькие, тонкие, но двигаются уверенно.

— А травма у тебя откуда? — спрашиваю я, и тут же прикусываю язык.

Она переводит на меня свой короткий презрительный взгляд с прищуром.

— Какая травма?

— Голеностоп...

— Откуда ты... Ты реально пробивал меня?

— Да.

— Это... — она ищет слово, — мерзко.

— Это не мерзко. Не выдумывай.

— Это вторжение в личную жизнь! — стоит на своём.

— Я пробивал только про спорт. Никакой личной жизни.

Она открывает рот, чтобы ответить, но тут Марья Афанасьевна оборачивается:

— Эй, голубки! Хватит ворковать. Картошка сама себя не почистит.

Соня краснеет. Утыкается в работу.

Я ухмыляюсь.

Чистим дальше. Ведро постепенно пустеет, таз с чищенной картошкой — наполняется.

— А этот лыжник, — говорю как бы невзначай, — Павел. Вы давно знакомы?

— Это тебя не касается.

— Просто спросил.

— Просто не отвечаю.

— Вы вместе?

Она поднимает голову. Смотрит на меня в упор.

— А тебе какое дело?

— Никакого. Просто интересно.

— Мы соседи. Знакомы с детства. Всё.

— Соседи, — повторяю. — Понятно.

— Что тебе понятно?

— Что он в тебя влюблён.

Она роняет картошку. Та катится по полу, закатывается под стол.

— Чушь.

— Да ладно. Он на тебя смотрит как на... не знаю, на олимпийское золото.

— Мы просто друзья, — спорит она.

— Ага. Конечно.

Фыркнув, лезет под стол за картошкой. Выныривает — щёки розовые.

— Можешь не продолжать эту тему?

— Могу, — соглашаясь легко.

Ответ “просто друзья” меня очень устраивает.

Картошки осталось немного, пахнет свободой.

Внезапно становится громко. Голоса наполняют столову. Похож первая партия на обед явилась.

Соня бросает короткий взгляд на окно раздачи. Сквозь него видно часть столов.

И тут же утыкается в картошку, продолжая воевать с непослушной прядкой.

Я вглядываюсь в окошко раздачи чуть дольше.

Там лыжники. И среди них — Павел Дорохов собственной персоной. Берёт поднос, смотрит в нашу сторону.

Соня не видит его — сидит почти спиной к окошку, со-

средоточенно ковыряет очередную картофелину.

А вот я вижу. И то, что я вижу мне не нравится.

Этот лыжник смотрит на Соню не как друг. Совсем не так.

И я, делаю то, что делать точно не стоило бы.

Вытираю руки прямо об спортивные штаны и наклоняюсь к Соне. Она поднимает голову, и я провожу пальцами по её щеке, убираю рыжую прядку за ушко. И целую её.

В губы.

Коротко, легко. Просто касание.

Отстраняюсь.

Она смотрит на меня огромными глазами. Рука медленно поднимается, накрывает губы ладонью.

Смотрю в окошко. Павел стоит с подносом, смотрит на нас. Лицо у него... разочарованное, что ли. Отворачивается, уходит к столам.

Отлично. Миссия выполнена.

И тут Соня бьёт меня по лицу.

Пощёчина. Звонкая, хлёсткая. Голова дёргается, щека вспыхивает огнём.

— Ну ты и идиот! — она вскакивает, отшвыривает нож на стол.

— Бжассо, подожди...

— Идиот!

Хватает куртку, выбегает из кухни.

Дверь хлопает.

Сижу с горячей щекой. Марья Афанасьевна качает голо-

вой, цокает языком.

— Эх, молодёжь, — говорит беззлобно. — Бери нож, чисти дальше. Устроили мне тут скандалы, интриги, расследования.

Беру нож. Беру картофелину.

Чищу.

Один.

Но губы всё ещё помнят её вкус. Что-то сладковатое. Вкусно.

Очень вкусно. И мало.

Может, я и идиот.

Но оно того стоило.

Ещё одна история нашего моба!

<https://litnet.com/shrt/8Oy->

Глава 9. Не зашла

Остап

Марья Афанасьевна наконец отпускает меня.

— Завтра после завтрака чтоб был здесь, — говорит, не оборачиваясь от плиты. — Ровно в девять.

— Буду.

— И девчонку приведи.

— Приведу.

— Всё, иди. Не мешайся.

Выхожу в общий зал. Руки воняют картошкой и луком, под ногтями грязь. Зато на ужин будет пюрешка и гуляш, а не... То, что сейчас на раздаче.

Брр... Что это, бля?

Беру поднос. Суп, винегрет и... что это вообще? На тарелке лежит бежевый кирпич с коричневой коркой. Макароны? Запеканка? Хрен знает. Выглядит как что-то, чем можно убить человека, если кинуть с размаху.

— Это съедобно? — спрашиваю сквозь окошко Марью Афанасьевну.

— Макаронная запеканка, — отвечает она без выражения.

Ясно.

Хотя яснее не стало.

В столовой уже почти пусто — обед заканчивается. Лыжники доедают, уходят. Гимнастки тоже почти все разошлись.

Сони нет. Ни за столами, ни в очереди.

Сажусь к Платону. Он уже доедает — и, что удивительно, ест именно этот кирпич. С аппетитом.

— Ты это реально ешь? — киваю на его тарелку.

— А что? Вкусно. С детства люблю.

— Что с твоими вкусовыми рецепторами?

— Нормально всё с ними, — он хмыкает и отправляет в рот последний кусок. Говорит с набитым ртом: — Калории есть калории. А тебе бы не помешало, кстати. Худой какой-то.

— Я в форме.

— Ты в форме для балерины. Ешь давай.

Сверлю его глазами.

Я - балерина?

Восемьдесят семь килограмм для балета?

Отодвигаю запеканку. Ем суп и винегрет. Суп нормальный — тот, к которому мы с Соней приложили руку.

— Как каторга, кстати? — спрашивает Платон.

— Познавательное. Бжассо научила меня чистить картошку.

— Ооо... это так мило, — паясничает Платон. — Вот на картошке у вас всё и закончится. Она не по зубам тебе, Тапчик.

— И с чего такие выводы?

— А тут простая философия. Если девчонка не оказалась

в твоей постели в первые несколько часов, значит тебе ничего не светит.

Я почти давлюсь винегретом.

Его философия как-то мне не заходит.

— А теперь разъяснительную бригаду можно? — требую я.

— Всё просто. Ты, Омаров, на любителя. Дерзкий, резкий. Не всем такие заходят. А тем кому заходят, сразу на тебе виснут. А эта - не виснет.

Сжимаю переносицу пальцами и зажмуриваюсь.

Господи... Чё за бред он только что мне прогнал?

Открываю глаза, Платон скалится.

— Я вообще-то угараю, — говорит он.

— Не смешно.

— И почему?

— Потому что это она мне не зашла, а не наоборот.

Он хмыкает и смотрит на меня взглядом аля: да-да, конечно.

Я доедаю винегрет.

— Ладно, — говорит он, поднимаясь. — Не опоздай на тренирку.

Спортзал находится в отдельном здании. Татами, маты, зеркала вдоль стены. Небольшая раздевалка с ящиками че-

рез которую мы прошли сначала.

Наше время — с двух до четырёх. Но когда мы заходим, зал не пустой.

Соня.

Она у зеркала. Держится за палку — ну, перекладину эту, как она называется, хрен знает — и делает махи ногой. Высоко. Очень высоко. Выше головы.

Останавливаюсь.

— Тапчик, — Платон толкает меня в спину. — Ты идёшь?

— Да. Сейчас.

Она нас не видит. Или делает вид, что не видит. Отпускает перекладину и начинает вращаться на одной ноге. Быстро, несколько оборотов подряд.

— Это фуэте, — говорит Платон. — Или пируэт. Не помню, как у них называется.

— Откуда ты знаешь?

— Сестра занималась.

Соня останавливается. Поднимает ногу вперёд — высоко, почти вертикально — и держит. Просто держит. Руки в стороны, спина прямая.

Секунда. Две. Пять.

Не качается.

Потом делает наклон — глубокий, складывается пополам, лоб к коленям. Выпрямляется, прогибается назад, уходит в мостик. Встаёт из мостика одним движением, без рук.

Я так не умею. Никогда не умел.

— Тапчик, — голос Платона. — Тренировка. Дымыч. Помнишь?

— Помню.

Мы уже переоделись. Иду к татами. Начинаю разминку. Но глаза сами возвращаются к ней.

Она берёт ленту. Красную, длинную, на палочке. Взмахивает — лента рисует дугу, падает волной. Ещё взмах — закручивается спиралью вокруг неё.

Она двигается плавно, мягко. Как будто у неё нет костей. Только мышцы, связки и что-то ещё — что-то, чего у меня нет и никогда не будет.

Она как вода... Или как огонь. И тот и тот образ идеально ей подходит.

Она прыгает. Ноги разъезжаются в шпагат прямо в воздухе. Приземляется мягко, бесшумно.

— Омаров! — рывкает Дымыч. — Ты разминаешься или мух считаешь?

Дергаюсь.

— Разминаюсь, — бубню себе под нос.

— Не вижу!

Ускоряюсь. Наклоны, повороты, растяжка.

Краем глаза — слежу за Соней. Не могу оторваться.

Дымыч командует начать броски. Парами, по очереди.

Платон бросает меня. Я падаю на татами, перекатываюсь, встаю. Моя очередь. Бросаю его через бедро, получается чисто. Он падает, я удерживаю несильным захватом за шею.

И снова украдкой смотрю направо.

Соня вытирает лицо полотенцем. Накидывает кофту. Собирает сумку.

Идёт в сторону раздевалки.

И вдруг оборачивается.

Смотрит прямо на меня. Секунду, может две. Лицо спокойное, глаза холодные.

Потом отворачивается и уходит.

Дверь закрывается.

— Хорош... хорош, — хрипит Платон.

Отпускаю его.

— Следующие! — орёт Дымыч. — Тимур, Назар.

Мы с Платоном уходим в сторону. Напарываюсь на его насмешливый взгляд, и он лениво протягивает:

— Вот совершенно очевидно, что она тебе ну очень, очень, очень, очень...

— Хорош!

— Не зашла.

Дорогие читатели! Поздравляю вас с Наступающим новым годом!

Ещё хочу познакомить вас с последней новинкой нашего моба

Мажор в подарок

<https://litnet.com/shrt/u1j1>

Глава 10. Опять он.

Соня

Короткий стук в дверь и Рита заглядывает в комнату.

— Сонь, ты идёшь на ужин?

Отлипаю от окна. За ним хлопьями сыплет снег, очень красиво.

Качаю головой.

— Я попозже. Не жди меня.

Она уходит.

Я чертовски голодная, но хочу поесть одна. Совсем одна. Пойду в столовую тогда, когда вообще там никого не будет. Надеюсь, Марья Афанасьевна меня всё-таки накормит.

Не хочу видеть Омарова.

Он раздражает... и отвлекает.

Видела, как он пялился на меня во время тренировки. И этот его тяжёлый взгляд почему-то прошивал меня насквозь. Бросало то в жар, то в холод.

Вот умеет он смотреть так... опасно, с голодом.

А я барышня неопытная, не знаю как отвечать на подобные гляделки.

Лучше — никак.

Лучше вообще с ним не пересекаться.

До Нового года восемь дней.

До соревнований одиннадцать.

А потом я уеду и забуду и про лагерь, и про наглого парня Остапа Омарова.

Навсегда забуду.

Выждав ещё сорок минут, всё же собираюсь в столовую.

Одеваюсь потеплее. Водолазка с оленями, тёплые штаны, сапоги с мехом. Сверху куртку, шапку, шарф.

Одежду на себе несую как тяжёлую кучу...

На улице меня накрывает снегопадом. Шапку натягиваю до глаз. Шарф поднимаю до носа, руки в карманы. Варежки где-то потеряла, вроде оставляла на батарее в коридоре, но их там нет.

Иду, не разбирая дороги.

— Сонь! — голос сзади.

Кто-то касается моего плеча. Мне чудится, что это Омаров, и я резко дёргаюсь вперёд. Нога едет по снегу.

Чёрт!

Почти сажусь в шпагат. Руки застряли в карманах.

Сама, блин, грациозность...

— Не убила? — голос надо мной.

И меня резко вздёргивают вверх, поднимая за плечи.

Перед глазами лицо Пашки.

Ух... Не Омаров.

— Нормально, — бормочу в шарф.

Он отряхивает меня. Хотя это бесполезно. Снег всё сыпет

и сыпет.

— Ты на ужин? — спрашивает Паша.

— Да.

— Я тоже. Пошли, — тянет меня за куртку.

Блин, я думала одна поем.

Молча шагаю за ним.

Да и говорить в такую погоду просто невозможно.

Заходим в столовую как два сугроба. В небольшом тамбуре снимаем верхнюю одежду.

— Ты что-то поздно сегодня, — комментирует Паша, отряхивая от снега мою шапку.

— Да. Ты тоже, — бросаю небрежно.

— А я тебя ждал, — отвечает он невозмутимо. — Хотел поговорить.

— Мог бы не ждать меня на морозе и написать в ВК.

— А я решил дождаться. К тому же слухи ходят, что после наказания у тебя отняли телефон.

Ошарашенно моргаю.

А ещё, блин, какие слухи ходят?

— Нет, не отняли, — подхожу к двери в общий зал, открываю. — К тому же...

И затыкаюсь.

Через мгновение забываю, о чём хотела сказать.

В столовой полный аншлаг. Не просто самбисты. Все. Вообще все. Даже тренеры.

Пужинала, блин, в одиночестве!

Кажется, тут какое-то собрание или типа того.

— Пойдём, послушаем, — Паша ведёт меня вглубь зала.

Мы встаём у окна.

Все собравшиеся обращаются к тренеру самбистов — Дымову. Сейчас вещает Ангелина:

— Вы понимаете, что это уже ни в какие ворота не лезет. У всех были планы на Новый год. В чём проблема отпустить нас на праздник?

Все дружным хором поддерживают её вопрос.

Переглядываемся с Пашей. Не знаю как у лыжников, но Алла Анатольевна не запрещала нам навестить семью на праздник. Московские девочки через одну решали вопрос с транспортом. Я даже не решала. Мне далеко до дома.

А теперь что? Никого не отпускают?

Дымов повышает голос, и общий гвалт стихает:

— В такую погоду покидать лагерь — это риски. У нас половина спортсменов где-нибудь потеряется. Всё! Это общее решение. Новый год будем праздновать здесь.

Толпа недовольно гудит. Кто-то из самбистов выкрикивает:

— А какая программа будет? По компоту и в люльку?

— А тебе чего надо? — рычит на него Дымов. — Нажраться перед соревнованиями?

Снова гул. Претензии, которые выкрикивают невпопад.

Ангелина возмущается громче всех. Что-то там про ужин с семьёй депутата, приятеля её отца.

Дымов снова орёт и осаживает всех:

— Вас тут вообще никто не держит. Кто-то ставит себе задачу — победить. И плевать ему на все трудности и обстоятельства. А кто-то хрен знает зачем тут. Вот все сомневающиеся могут паковать чемоданы.

Я вижу лицо Аллы Анатольевны. Она смотрит на тренера самбистов с толикой восхищения и презрения.

Понятия не имею, как она может сочетать такие противоречивые эмоции в одном взгляде.

— Ну что? Есть тут те, кого нужно проводить? — осматривает Дымов толпу.

Но все замолкают.

— Вот и отлично, — вклинивается Змеева. — От себя мы обещаем нескучный Новый год. Будет и банкет, и праздничный концерт. Всё, расходимся.

Толпа начинает вяло рассеиваться.

— А кто концерт-то устроит? — это голос Омарова. — Что за концерт вообще? Кого-то из Питера вызовите? Давайте репера какого-нибудь топового, а?

— А давайте не репера, — вставляет Ангелина.

И спор начинается заново.

Кого позвать.

Кто за это будет платить.

Понятно, что многие родители собравшихся тут детей смогут профинансировать. Но как договориться и разрешить спор интересов?

Тем временем Паша уже принёс наш ужин на одном подносе. Садимся за дальний столик, в общих спорах не участвуем.

Пюре с гуляшом — это вкусно.

Споры постепенно стихают. Народ расходится.

Краем глаза замечаю Омарова.

Он стоит у выхода, натягивает куртку. И смотрит в нашу сторону. На меня. На Пашу. На то, как мы сидим вдвоём за дальним столиком.

Лицо у него... недовольное. Челюсть сжата, глаза прищурены.

Я отворачиваюсь первой. Делаю вид, что очень занята гуляшом.

Когда снова смотрю — его уже нет.

Ушёл.

И почему-то от этого становится... странно. Не легче. Просто странно.

— Сонь, — голос Паши вырывает из мыслей.

— М?

— Я хотел спросить кое-что.

Поднимаю глаза. Он смотрит серьёзно, без обычной лёгкой улыбки.

— Спрашивай.

— Сегодня в обед... — он замолкает, подбирает слова. — Я видел. В окошко раздачи. Ты и этот самбист.

Вилка замирает на полпути ко рту.

— И что? — голос звучит ровно. Почти.

— Он тебя поцеловал.

— Паш...

— Мне просто интересно. Что у тебя с ним?

Смеюсь. Наигранно, слишком громко.

— У меня с ним? Паш, ты чего? Вот что у меня может быть с таким как он?

— С каким?

— Да он же самовлюблённый придурок с короной до потолка. Наглый, невоспитанный хам. Он меня бесит. И он вообще не в моём вкусе.

— Да? А кто в твоём вкусе?

— Никто, — отрезаю. — Мне сейчас не до этого. Меня интересует медаль.

Он кивает. Не спорит. Но что-то в его взгляде меняется — не пойму что.

После ужина Паша провожает меня до корпуса.

Снег всё так же сыпет — густой, колючий, забивается в глаза и за шиворот. Идём быстро, почти бежим. Говорить невозможно — ветер уносит слова.

У крыльца останавливаемся.

— Спасибо, — говорю, отряхиваясь.

— Не за что. До завтра, Сонь.

— До завтра.

Он уходит в сторону первого корпуса. Я смотрю ему вслед и думаю...

Вот он всегда был внимательным ко мне. Да, в нашем прошлом не так уж и много эпизодов для сближения, но... Я всегда чувствовала интерес Пашки к себе.

И никогда не реагировала.

Почему?

Толкаю дверь. В коридоре тепло и тихо. Снимаю куртку, стряхиваю снег с сапог. Шапку и шарф несущу в руках — мокрые насквозь.

Иду к своей комнате.

Открываю.

И застываю на пороге...

Да быть не может!

У меня похоже глюки!

Омаров.

Снова.

Сидит на моей кровати. Как тогда, только теперь не лежит развалившись, а сидит прямо.

Но какая к черту разница в какой локации и позе он меня встречает?

— Ты, — выдыхаю я. — Опять.

— Я, — кивает спокойно. — Только не ори, Бжассо. Иначе нас точно выгонят.

Нас?!

Он охренел вообще?

Нет никаких “нас”!

Глава 11. Застрял

Остап

— Только не ори, Бжассо. Иначе нас точно выгонят.

Она стоит в дверях. Мокрая шапка в руках, снег тает на волосах. Смотрит на меня так, будто прикидывает, куда спрятать труп.

— Нас? — переспрашивает тихо. — Нет никаких “нас”, Омаров.

— Вообще-то есть. Мы оба теперь на карандаше Дымова.

— Я не тренируюсь у твоего Дымова, — тихо огрызается она.

— Поверь, совсем не обязательно тренироваться у Дымогана, чтобы попасть под его гнев, — терпеливо объясняю ей. — И вообще, ты заходишь или нет?

Она делает шаг и закрывает дверь. Тихо, аккуратно. Это хороший знак — значит, орать не будет.

Бросает шапку на стул. Шарф — туда же. Стягивает куртку, вешает на крючок. Движения резкие, злые.

Водолазка с дурацкими оленями. Мокрые рыжие пряди прилипли к вискам.

— Ну? — она скрещивает руки на груди. — Зачем пришёл?

— Ты круто двигаешься.

Соня заворожённо моргает.

— Что?

— На тренировке. Я смотрел на тебя. И то, что ты делала, это было прям “вау”!

Она разглядывает меня, пытаюсь найти подвох. Не находит.

— Это всё? Ты залез ко мне в комнату, чтобы сказать вот это?

— Ну... да.

— Хорошая попытка, Омаров. Если это твой способ извиниться — катись к чёрту.

— А за что я должен извиняться? — изображаю недоумение.

Она делает шаг ко мне, начинает гневно перечислять:

— За то, что мы теперь отрабатываем на кухне. За то, что я лишилась тренировок. За то, что ты распускаешь свои губы.

— Губы? — хмыкнув, поднимаюсь с кровати. — Ты про поцелуй?

— Я про то, что ты творишь что хочешь и не думаешь о последствиях.

— А ты слишком много думаешь, Бжассо, — парирую в ответ.

— Кто-то же должен, Омаров. Тебе-то не дано!

И вот мы снова лаемся, ага.

Клянусь, я впервые в жизни занимаюсь словесной пере-

палкой с девчонкой вместо любых других занятий с ней же.

Мы стоим близко. Она смотрит на меня снизу вверх — макушкой едва достаёт мне до плеча. Но взгляд такой, будто это она нависает надо мной.

— Бжассо...

— Тихо!

Она вскидывает руку, зажимает мне рот ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.